

Оседлав пешеходную зебру

ПОЭЗИЯ

Эдуард Учаров

В июне нынешнего года в Казани состоялась Литературная универсиада, организованная Союзом писателей Татарстана и журналом «Дружба народов». Одним из самых интересных событий мероприятия стал Турнир поэтов в усадьбе А. Г. Сандецкого. Победил в нём и завоевал главный приз – публикацию в журнале «Дружба народов» – казанский поэт Эдуард Учаров, к слову сказать, член редколлегии «Казанского альманаха»

Парк Чёрное озеро

Живёшь и печёную осень
подносишь к измятым губам,
а жёлтые крошечки сосен
ленивым хранишь голубям.

Пройдя через Арку Влюблённых,
спускаясь за дождичком вниз,
сквозь цепь искалеченных клёнов
ты озера видишь карниз.

И так обрываешься сердцем,
что с тяжким пакетом в руках
торопишься где-то усесться,
у парочки место украв.

Задумчиво и виновато
твой взгляд переулку открыт –
Пассажу киваешь приватно,
рассыпав по лавке дары.

И Чёрное озеро примет
(пока ты ещё не домок)
заветное тление «Примы»
и пива ершистый дымок.

Вот так вот – сидишь на скамейке,
корнями ушедшей в погост,
а годы проносятся мельком
в аллеях, где ты произрос.

Где бегал на лыжах и с горки
ледянками мучил асфальт,
где летом от корки до корки
читался мячами офсайд.

Где в марте, отважный и робкий,
в стремнине коварного льда
на досках хоккейной коробки
ты плыл неизвестно куда...

Сидишь и под баночку пива
печёную осень жуёшь –
и вроде не так уж тоскливо,
и даже как будто живёшь.

Лунатик

Как на лампаду, на небо дохнёшь –
погасишь звёзды, отвернёшься к стенке
и, сном полурасстрелянный, начнёшь
цедить глагол оспатой ассистентке.

Она тебе сквозь тюль засветит в глаз,
и ты, словечки нанизав на рёбра,
на ловкое циркачество горазд,
карнизом ржавым побредёшь нетвёрдо.

О Господи, ты только не буди,
когда я черепицу разминаю,
ходи со мной по этому пути,
пока не приключится жизнь иная.

Тогда кульбиты будут так лихи,
так искренне прочертится глассада,
ведь падать – это как писать стихи:
здесь притворяться и уметь – не надо.

Святки

Очнись в студёный вечерок, пойми на деле,
что от звезды и до воды не две недели:
другая жизнь, другие сны, другие меры
от новых жителей земли не нашей эры.

Заворожённо посмотри, как месяц в прятки
играет с мальчиком в окне, что ждёт колядки...
И войско ряженных идёт, беря овраги,
и быть веселью на селе в потешной драке.

Проймись волшебным угольком, как ветром с Вятки,
и замаячит шиликун* тебе на святки –
так живо сердцем отомрёшь, на это глядя,
что, добежав, охолонёшь в крещенской глади.

А поутру поймёшь ещё, поверив глазу,
что день берёт теперь своё – за всё и сразу.
Очнись, родной, и восхитись, ведь мир внезапен,
я б тоже это оценил, да что-то запил...

---

* Шиликун – в славянской мифологии – хулиганистый мелкий дух, который появляется в Сочельник и бегает по улице с горящими углями на сковородке. В Крещение уходит в подземный мир.

Факир

Пока по воде не ходил ты, ходи по гвоздям
и пламя стихов выдыхай из прокуренных лёгких, –
а я тебе сердцем за тайные знания воздам,
и пусть все слова оживают в руках твоих ловких.

Глотай бесконечную шпагу далёких путей,
нутро оцарапав тупым остриём горизонта,
толкующий сны, над подстрочником жизни потей –
нам слышен твой голос, в ночи раздающийся звонко.

Смешной заклинатель по свету расплзшихся змей,
усталый адепт красоты, поэтический дервиш,
сомнения наши в нечестности мира развеи,
пока на дуде нас ты музыкой вечности держишь.

Едва различима суфийская родственность каст,
и пассы твои над душою совсем невесома,
но проблеском истин питается магия глаз –
мы живы, пока удивляться чему-то способны.

Торосы

Со дня на день скачу, как тот рыбак,
что, с ловли возвращаясь, топил льдины,
а полынья – мой самый верный враг –
уже готовит кувырок путины,
когда по грудь, а то и с головой,
уходишь кистепёрым воду кушать,
и все слова – хоть обкричись, хоть взвой –
пузырики бессмысленные в уши.

Ты пред собой пешнёй молотишь снег
и воздвигаешь гибельные ямы
затем, чтоб в лихорадочной возне
из смерти вылезать на жизнь упрямо,
а рядом бесприданница-любовь
горюет, что до счастья не дорос ты –
как жаль, что, обойдённую тобой,
из памяти её сотрут торосы.

Октябрь

Оседлав пешеходную зебру и мчась на кусты,
заблудился в словах, что, как вечность, длинны и густы.
И горит в подреберье остывший до льдинки рубин
полноцветьем калины и сочностью зрелых рябин.

Придорожный октябрь – ты опять графоман и расист,
на берёзы мои чёрно-белые так голосист,
что срываются птицы, о лете не договорив,
в беспросветную бездну – лихой загрузинный обрыв.

Уходящему в день, отступившему к охре в пожар,
только руку кленовую мне остаётся пожать,
по аллее пройдясь от листа до другого листа
и дождя валерьянку считая по каплям до ста.

Проглотив истекающей сини микстуру на сон,
я отправлюсь домой, прихватив, как отважный Ясон,
весь словесный гербарий поэта – плута и вруна,
потому что тоска моя в цвет золотого руна.

Теплотрасса

Проржавела небесная кровля
и закатом на окна крѣшит.
До последней осенней крови
день бомжами за домом прожит,

и поджарен последний голубь
на горящем куске картона.
За невысказанным глаголом
небо в горле бродяги тонет.

Так уходят отцы и деды,
в коммунальных спиваясь клетях,
это им через крюк продеты
удушающие столетья,

это души их по округе,
собираясь на смертный праздник,
под асфальтом задраив люки,
громяхают по теплотрассе.

Стоматология

Теперь зубочистке осталось
царапать по нервам прорех –
тянись, саблезубая старость,
расщёлкать познания орех.

Фарфоровой мудрости гностик,
вставной летописный резец –
вгрызайся с малиновой злостью
в проклятый язык, наконец.

Последние сгустки апломба
за ваткой сомнения сплюнь,
почуй, как морозная пломба
врастает в пульпитный июнь.

На страшное синее нёбо,
на хрусткую, с кровью, эмаль –
смотри через зеркальце в оба
и скрежету глотки внимай.

Пока ты под местным наркозом,
пока ещё жив протезист,
напильник извечных вопросов
над лобною костью навис.

Но всё перемелется, братцы:
коронки, каретки, мосты...
Придёт санитарка прибраться
и буквы смахнёт на листы.

К покою приёмному хлопца
крылатый ведёт поводырь.
Лишь челюсть болеть остаётся
в стакане кричащей воды.

Третья смена

За минуту до гудка
Из трубы фабричной
Дым ленивый три витка
Делает привычно.

И ползёт до верхних сфер,
Намекая ночи,
Чтобы главный инженер
Звёзды обесточил.

Казань. Универсиада-2013

12

Кровить ещё июльскому деньку
до полной анемии дю Солея
и неба серебристую деньгу
ссыпать на переходе у аллеи.

А мне теперь выдёргивать билет
на зрелище совсем иного толка, –
смотреть, как распоясался атлет,
в одну ладошку хлопать да и только.

Брести, где колченогая игра
восстала с разлинованного пола:
на Спартаковской холл к себе прибрал
зеркальные осколки баскетбола.

А на Манеже, в ветре дребезжа,
развеян том судейских протоколов.
Мне от рапиры бешеной бежать,
но сорок пять поймать в живот уколов.

И напоследок праздновать улов,
увидев, как на потном пьедестале
покатятся к подножию голов
налившиеся золотом медали.

5-я горбольница

Ангел явится – и вдруг начнёшь креститься
да шарахнешься с насиженного рая
в неврологию, где пухлая сестрица
за кроссвордом и печеньем умирает.

То ли топот по линолеуму слышен,
то ли инсульт пробивает черепушку,
то ли в междупозвонковой давней грыже
заходили с визгом диски у старушки.

Этим утром бродит солнце по палатам
и на лазер просыпающихся удит.
Расщепляет массажист тебя на атом,
а потом капелью капельница будит.

Держит строго оборону старый замок,
и моргают занавесками бойницы...
Внеурочный посетитель-полустанок
разгоняет поездами боль больницы.

Вёрсты

За облаками вёрсты навестай –
Где с песней, выдуваемой в хрусталь,
Стоят, в своей красе непогрешимы,
Замёрзшие в девичестве вершины,
Где усачом у терекских излучин
Закат до посинения изучен.

Там изобилье в роге у Вано:
На вкус и цвет: как выпить дать – вино.
А горные и торные козлята
Под ноги сыпят огненные ядра,
И тратится к подножию Казбек
На эха перепуганного бег.

13

Полуночное

За окном, до утра приуныв,
Двор уляжется с нищим.
Замерцает фонарик луны –
Что ты, Господи, ищешь?

Летом полночь совсем не видна –
Бродит полуживая,
Осушая поэта до дна
И бутылъ разбивая.

Иностранная вещь

Перейдя на запретный язык,
Потрясая основы,
Плавишь горлом немые азы
В клёкот странный и новый.

И когда иностранную вещь
Больше выплакать нечем –
Голос твой вдруг становится вещь,
Буквы разве что мельче.